

«СЕРДЦЕ МИЛУЮЩЕЕ» В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И А.И. ЦВЕТАЕВОЙ

В статье анализируются образы животных в творчестве Ф.М. Достоевского («Записки из Мертвого дома», «Идиот», «Братья Карамазовы») и А.И. Цветаевой («Непостижимые», «Моя Сибирь», «Тайна животных»). Важнейшая для обоих писателей тема животных рассматривается в контексте раннехристианской традиции «милующего сердца» (преп. Исаак Сирин). Выявляются общие для обоих писателей в изображении животных мотивы, ключевые христианские концепты (встреча, любовь, ласка, восторг, радость, рай, жертва, смирение, кротость, чудо, дар и др.), выражающие в русле христианской традиции глубочайший психологизм, христианский гуманизм и метафизическую гармонию человека и животных.

Ключевые слова: Достоевский, А. Цветаева, образы животных, христианская традиция, «милующее сердце», христианские концепты, христианский гуманизм.

А.А. Medvedev

«MERCIFULHEART» IN THE WORKS BY F.M. DOSTOEVSKY AND A.I. TSVETAeva

The images of animals in the works of F.M. Dostoevsky («Notes from the House of the Dead», «The Idiot», «The Brothers Karamazov») and A.I. Tsvetaeva («Incomprehensible», «My Siberia», «The mystery of animals») are analyzed. Important for both writers theme of animals is considered in the context of the early Christian tradition of the «merciful heart» (St. Isaac the Syrian). Common to both authors in the image of animal motifs, key Christian concepts (the meeting, love, tenderness, enthusiasm, joy, paradise, sacrifice, humility, meekness, miracle, gift, etc.) are identified, which express in the mainstream Christian tradition deep psychology, Christian humanism and metaphysical harmony of humans and animals.

Key words: Dostoyevsky, A. Tsvetaeva, images of animals, Christian tradition, «merciful heart», Christian concepts, Christian humanism.

Творчество Ф.М. Достоевского, открытое А.И. Цветаевой в эпоху религиозно-философского Ренессанса начала XX в., становится для нее не только художественным образцом в раскрытии «глубин души человеческой» и философской моделью в решении «последних» вопросов бытия, но и парадигмой духовного пути (о религиозно-философском, художественном диалоге Цветаевой с Достоевским см. подробнее: [4]).

Одной из ключевых тем, роднящих миры Достоевского и Цветаевой, – любовь к братьям нашим меньшим. В автобиографических «Записках из Мертвого дома» (1862) животным в жизни каторжан («милая лошадка» Гнедко, собаки Шарик, Белка, Кульяпка, гуси, козел

Васька, орел) Достоевский посвятил целую главу: «наши арестантики могли бы любить животных, и если б им это позволили, они с охотой развели бы в остроге множество домашней скотины и птицы. И, кажется, что бы больше могло смягчить, облагородить суровый и зверский характер арестантов, как не такое, например, занятие?» [2, т. 4, с. 189]. Любовь к животным автор раскрывает «в человеке человека» [2, т. 27, с. 65], а жестокость к животным становится мерилom духовного падения личности.

В этой главе Достоевский изображает не только «все глубины» человеческой души [2, т. 27, с. 65], но и души собачьей. Достоевский трогательно раскрывает «характер» каждой собаки, с которой он

был в «постоянной дружбе». Чистая, бескорыстная любовь собаки, ожидающей от человека ответной любви, раскрывается в ситуации встречи. Образ собаки пронизывает мотив ласки, ласкосердия: Шарик «ласково встречает каждую партию, вертит хвостом и приветливо заглядывает в глаза каждому вошедшему, ожидая хоть какой-нибудь ласки. Но в продолжение многих лет она не добила никакой ласки ни от кого, кроме разве меня. За это-то она и любила меня более всех» [2, т. 4, с. 189].

Ключевым является мотив собачьего восторга, искренней радости, обращенной к человеку. Так, внутренней речью Достоевский раскрывает «пылкий и восторженный» характер Кульяпки: «...как и всякий щенок, который от радости, что видит хозяина, обыкновенно навизжит, накричит, полезет лизать в самое лицо и тут же перед вами готов не удержать и всех остальных чувств своих: “Был бы только виден восторг, а приличия ничего не значат!” Бывало, где бы я ни был, но по крику: “Кульяпка!” – он вдруг являлся из-за какого-нибудь угла, как из-под земли, и с визгливым восторгом летел ко мне, катясь, как шарик, и перекувыркиваясь дорогою» [2, т. 4, с. 190–191].

В страдании и униженности собак проступает концепт христианской жертвенности. Искалеченная Белка, по причине своей физической ущербности уже не надеющаяся на ласку не только людей, но и своих собратьев, проявляет при этом глубочайшее смирение: «Оскорбленная судьбою, она, видимо, решила смириться. Никогда-то она ни на кого не лаяла и не ворчала, точно не смела. <...> в знак смирения, перекувырнется на спину: “Делай, дескать, со мной что тебе угодно, а я, видишь, и не думаю сопротивляться”» [2, т. 4, с. 190]. Неожиданно проявленная к Белке жалость вызывает у нее чувство умиления: «Я попробовал раз её приласкать; это было для неё так ново и неожиданно, что она вдруг вся осела к земле, на все четыре лапы, вся затрепетала и начала громко визжать от умиления. Из жалости я ласкал её часто» [2, т. 4, с. 190].

Судьба собак трагична в мире человеческой жестокости: по слову ап. Павла,

вся тварь «по воле покорившего ее» человека «совокупно стенает и мучится доныне», с надеждою ожидает от виновника грехопадения своего освобождения от «рабства тления в свободу славы детей Божиих» (Рим. 8, 19–22), но виновник грехопадения не спасает животных, а жестоко их уничтожает. Любимый Достоевским Кульяпка стал жертвой арестанта Неустроева, подложившим содранным с него мехом «бархатные зимние полусапожки» [2, т. 4, с. 191].

Если в «Записках из Мертвого дома» христианские интенции в восприятии животных присутствуют имплицитно, то позже устами кн. Мышкина, Макара Долгорукого, Маркела и старца Зосимы Достоевский прямо говорит об одухотворенности творения и духовности животных. В чистой, милующей душе праведников Достоевского отражается райская, первозданная красота творения и животных («Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5, 8)), они уже на земле видят осуществление Царствия Божия.

О глубокой духовности животных говорит Зосима, отмечая кротость, незлобивость, доверчивость, духовную красоту коня, вола [2, т. 14, с. 267–268]. В своем гимне всеобъемлющей любви к творению Божию от «целого» до «песчинки» Зосима осуждает человеческую гордыню, определяющую жестокое отношение к животным [2, т. 14, с. 289]. При этом Достоевский считал, что любовь к животным не должна опережать любовь к человеку, не должна быть самоцелью, а призвана гуманизировать человека – «очеловечить», «образить» его: «Научившись жалеть скотину, мужик станет жалеть и жену свою» [2, т. 22, с. 26].

Восприятие духовной красоты животных, их глубочайшего смирения, кротости, любви и доверчивости как образца для человека, утратившего в отличие от животных свое «естественное состояние», уходит корнями в христианскую традицию. Увидеть райскую, первозданную красоту животного способен лишь человек с чистым, «милующим сердцем», о котором писал любимый Достоевским христианский мистик VII в. преп. Исаак

Сирин: «И что такое сердце милующее? – и сказал: возгорение сердца у человека о всем творении, о человеках, о птицах, о животных, о демонах и о всякой твари» [7, с. 323–324]. Эта сострадательная, жалостливая любовь к животным выступает в христианстве важнейшим свойством духовного совершенства, неотъемлемой чертой святости. В послушании животных святым (авва Герасим, св. Франциск Ассизский, преп. Сергей Радонежский, преп. Серафим Саровский), в их взаимной любви проступает райская гармония Адама и животных – утраченный после грехопадения идеал Эдема, Царствия Божия на земле. О преломлении в творчестве Достоевского христианской традиции «милующего сердца» см. подробнее: [5; 6]).

Эта христианская традиция «милующего сердца» присутствует и в творчестве А.И. Цветаевой – в книге рассказов о животных «Непостижимые» (описанные в ней события относятся к годам советских лагерей (1938–1947) и сибирской ссылки (1949–1956), рассказы писались в разные годы, отдельной книгой вышли в 1992 г.) [9]. Цветаева следует за Достоевским в глубинном проникновении в душу «братьев наших меньших» – не только собак, котов и кошек, но и гуся Теги, кролика Кроли, свина, птенца, овец и даже насекомого. Главными героями в ее книге, как и в «Записках из Мертвого дома», являются любимые Цветаевой собаки. Углубляя Достоевского, она дает персонализированное восприятие животных («Цветаева всегда обращалась к собакам на “вы”» [3, с. 152]), создавая незабываемые «портреты» Мишки, Каштанки, Барбоса, Бобка, Домки и других собак.

Как и у Достоевского, бескорыстная любовь собаки раскрывается в ситуации встречи, которая приносит человеку необыкновенную, райскую радость, что выражается мотивами неожиданного, чудесного появления, радости, праздника, бескорыстного дара. Мишка и Каштанка «уносились и появлялись, как луч из-за облака, – кого по пути облизав, кому – сунув в руку мокрую морду»: «Так расцветает в сером дворе факирным цветком – шарманка. И как-то надо было собрать

морщинами лоб, чтобы в озабоченной мотивированности продолжать подсчет сметы – после волшебной немотивированности, которой одаривали нас животные» [9, с. 32]. Бобка «с первых лет жизни», «прыгнув» в её сердце, «свил там себе гнездо по гроб жизни»: «Война, недоеданье, разлуки. Но стоит черному носу просунуться в щелку, лапе ударить дверь, – как радуюсь! И пес это – знает! В ответ на мои ласки – даже свистит от нежности! Тонко...» [9, с. 64]. Руслан радуется любящему его человеку, «как празднику, – умиленным словам, ласкам, безнаказанности игр» [9, с. 69].

Продолжая Достоевского, цветаевские образы собак воплощают в себе более сохраненную, чем в человеке, глубочайшую духовность – чистую любовь, благодарность, радость, смирение и кротость. Так, «в манере Каштанки неизменно сквозило сознание своей неполноценности <...> и рикошетом рождавшаяся благодарность, что её ласкают и с ней шутят» [9, с. 33]. Бобка, страдая от случайно причиненной ему боли, проявляет при этом величайшее смирение: «за силу моего не человеческого, собачьего же сочувствия, явно смирял вой. Дрожь – не мог! И вежливо, душевно-грациозно (так бесконечно выше человеческой воспитанности) выражал полноту своего прощенья, радование моей виноватой, просящей о мире ласке, утешался всласть, мотая еще страдающей от ушиба мордой» [9, с. 65]. И о том же Бобке в игре: «Какая искренность! Какая не человеческая благодарность!» [9, с. 66]. Собачье сердце способно даже на покаяние [9, с. 150]. Кошка Беляна являет собой образец достойной смерти: «Кротко дотерпела до конца» [8, с. 482]. Для Цветаевой эта духовность животных – «всплеск радости, райское зрелище» в нашей жизни, «полной дьявольской спешки, жестокостей без покаяния, гордостей, недоразумений» [9, с. 168].

Как и в «Записках», судьба животных в цветаевских рассказах трагична в мире человеческой жестокости. Райская по своей взаимности любовь человека и собаки обрывается жестоким убийством собак. Мишку и Каштанку топят в яме нечистот, Руслан пошел на рукавицы хо-

зяину, Барбоса и Бобку также убивают из-за меха: «За краску, ими не знаемую, у них отняли их верное и веселое собачье сердце, которым они хотели служить человеку и радовать его» [9, с. 68]. Жестокость к животным для Цветаевой намного страшнее, чем к человеку: «Человек и страдание – органично, ибо отражено в сознании. Страдание животного – чудовищно, потому что у него нет греха» [9, с. 126]. В последних словах Цветаева, исходя из своего опыта общения с животными, вторит старцу Зосиме, говорящему, что в животных «нет никакого греха» [2, т. 14, с. 268].

Цветаева идет дальше Достоевского, задумываясь в эссе «Тайна животных» (1990) о посмертной судьбе животных. Ответом на этот долго мучивший ее вопрос стало райское видение византийского святого X в. Андрея Юродивого: «дивясь на несказанную высоту и красоту райских деревьев, он увидел, за ними, животных: “цветом зари и неба, а шерсть на них была как бы шелк...”» [цит. по: 1, с. 175]. Удивленный этим видением Андрей получил ответ свыше: «Неужели ты думал, что Бог хоть одной Своей твари даст – тление?» [цит. по: 1, с. 175]. От этих умиляющих слов и видения «преображенных в раю животных» в душе Цветаевой настал покой.

Вслед за Достоевским, выявившем в животных их глубочайшую метафизику – духовную красоту их «лика», Цветаева

раскрывает метафизическую тайну первозданной гармонии человека и животных: «Держа на ладони протянувшуюся с лаской черную морду с желтой подкладкой, с закрытыми – задремал – глазами, я думаю: точно созданы друг для друга человеческая рука и на неё положенная, как теплый живой дар – голова собаки!» [9, с. 80]. В своем милующем сердце, полном милосердия и любви, Цветаева достигает благодатного созерцания животных, возвращающего нас в рай: «Ох, как хорошо жить на свете!.. Чувство счастья. Нахождение у самых истоков всего, каждый раз как вижу собак и кошек» [9, с. 65]. И это совсем не романтизированное и сентиментальное очеловечение животных, а столь актуальное сегодня экологическое сознание, вытекающее из христианской веры и любви Достоевского и Цветаевой.

Таким образом, важнейшая для обоих писателей тема животных раскрывается в контексте раннехристианской традиции «милующего сердца» (преп. Исаак Сирин). В русле этой христианской традиции общие для обоих писателей мотивы, ключевые христианские концепты в изображении животных (встреча, любовь, ласка, восторг, радость, рай, жертва, смирение, кротость, чудо, дар и др.) выражают глубочайший психологизм, христианский гуманизм и метафизическую гармонию человека и животных.

Библиографический список

1. Васильев, Г.К. Трудный путь к Богу (Духовная эволюция А. Цветаевой) [Текст] / Г.К. Васильев, Г.Я. Никитина // Вестник Русского Христианского Движения. – 2004. – № 2(188). – С. 166–184.
2. Достоевский, Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. [Текст] / Ф.М. Достоевский. – Л.: Наука, 1972–1990. – Т. 4. – 326 с.; Т. 14. – 510 с.; Т. 22. – 407 с.; Т. 27. – 463 с.
3. Ионас, В.Я. Анастасия Цветаева. Встречи. Переписка [Текст] / В.Я. Ионас // Грани. – 2001. – № 198. – С. 126–153.
4. Медведев, А.А. «...Ведь это родной дом!..»: А.И. Цветаева и Ф.М. Достоевский [Текст] / А.А. Медведев // А.И. Цветаева: жизненный путь и творческое наследие: матер. междунар. конф. – М.: Дом-музей М. Цветаевой, 2010. – С. 111–173.
5. Медведев, А.А. «Сердце милующее» в творчестве Ф.М. Достоевского и христианская традиция [Текст] / А.А. Медведев // Диалоги классиков – диалоги с классикой: сб. науч. ст. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2014. – С. 194–224.
6. Медведев, А.А. «Сердце милующее»: образы праведников в творчестве Ф.М. Достоевского и св. Франциск Ассизский [Текст] / А.А. Медведев // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2015. – № 2(139). – С. 222–233.
7. Сирин Исаак, преп. Слова подвижнические [Текст] / Исаак Сирин. – М.: Правило веры, 2002. – 709 с.

8. Цветаева, А.И. *Амор: Роман и повести* [Текст] / А.И. Цветаева. – М.: Современник, 1991. – 494 с.
9. Цветаева, А.И. *Непостижимые: рассказы о животных* [Текст] / А.И. Цветаева. – М.: ВМКЦ, 1992. – 175 с.

References

1. Vasilyev G.K, Nikitina G.Y. Difficult path to God (Spiritual evolution of A. Tsvetaeva). *Vestnik Russkogo Khristianskogo Dvizhenija*, 2004. № 2 (188). P. 166–184. [in Russian].
2. Dostoevskiy F.M. *Complete Collection of Works of 30 vols.* L.: Nauka, 1972–1990. [in Russian].
3. Ionas V.Y. Anastasia Tsvetaeva. Meeting. Correspondence. *Grani*, 2001. № 198. P. 126–153. [in Russian].
4. Medvedev A.A. «...It is my home!..»: A.I. Tsvetaeva and F.M. Dostoevsky. *A.I. Tsvetaeva: zhiznennyj put' i tvorcheskoe nasledie. Materialy Mezhdunarodnoj konferencii.* M.: Dom-muzei M. Tsvetaevoi, 2010. P. 111–173. [in Russian].
5. Medvedev A.A. «Merciful heart» in F.M. Dostoyevsky's Creative Work and the Christian Tradition. *Dialogi klassikov – dialogi s klassikoj: sb. nauch. st.* – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. un-ta, 2014. P. 194–224. [in Russian].
6. Medvedev A.A. «Merciful heart»: The Images of Righteous People in F.M. Dostoyevsky's Creative Work and St Francis of Assisi. *Izvestija Ural'skogo federalnogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnye nauki*, 2015. № 2(139). P. 222–233. [in Russian].
7. Isaac the Syrian, St. *Word Ascetical.* M.: Pravilo very, 2002. [in Russian].
8. Tsvetaeva A.I. *Amor: Novel and novellas.* M.: Sovremennik, 1991. [in Russian].
9. Tsvetaeva A.I. *Incomprehensible: stories about animals.* M.: VMKC, 1992. P. 175. [in Russian].

Сведения об авторе:

Медведев Александр Александрович,
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра русской литературы,
Тюменский государственный
университет,
г. Тюмень.
E-mail: amedv1@yandex.ru

Information about the author:

Medvedev Aleksandr Aleksandrovitch,
Candidate of Sciences (Philology),
Associate Professor,
Department of Russian Literature,
Tyumen State University,
Tyumen, Russia.
E-mail: amedv1@yandex.ru